

УДК 331.1
ББК 63.3(2)613

И. В. Шильникова

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ НА СОВЕТСКИХ ТЕКСТИЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Ключевые слова: индустриализация в СССР, первые советские пятилетки, текстильная промышленность, трудовые отношения, трудовая дисциплина, постановления правительства, правила внутреннего распорядка, табель вызываний, прогулы, увольнение, профсоюзы, товарищеский суд, продовольственное снабжение.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с обеспечением должного уровня дисциплины на советских текстильных предприятиях в годы довоенных пятилеток (1928–1940 гг.). При этом для создания более детальной и целостной картины учитываются действия и взгляды на эту проблему различных сторон, вовлеченных в трудовые отношения, включая партийные и правительственные органы, профсоюзные организации, администрацию предприятий и самих рабочих. В статье представлен анализ последствий реализации правительственных постановлений в сфере регулирования трудовой дисциплины; дана характеристика мероприятий, инициированных местными партийными, профсоюзными, хозяйственными органами, а также руководством предприятий, и направленных на поднятие уровня дисциплины; выявлены основные причины дисциплинарных нарушений; проведено сравнение методов борьбы с нарушениями порядка и их эффективности на двух этапах индустриализации – дореволюционном и советском. При этом приоритетное внимание уделено таким дисциплинарным нарушениям, как прогулы, поскольку именно они вызывали наибольшую озабоченность и властей, и директоров предприятий. Источниковой базой исследования являются преимущественно, архивные материалы, сохранившиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации и Центрального государственного архива города Москвы.

I. V. Shilnikova

PROBLEMS OF LABOR DISCIPLINE REGULATION IN THE SOVIET TEXTILE MILLS DURING THE EARLY FIVE-YEAR PLANS

Key words: industrialization in the USSR, early Soviet five-year plans, textile industry, labour relations, labour discipline, government regulations, internal regulations, punishment, truancy, dismissal, labour unions, friendly court, food supply.

The paper deals with the issues of labour discipline regulation in the Soviet textile mills in the prewar five-year plans (1928–1940). This paper contains the analysis of 1) the impact of the implementation of government regulations in the sphere of labour discipline; 2) activities initiated by the local party, trade union, economic bodies, as well as the management of the enterprises and aimed at raising of the discipline level; 3) the main reasons for disciplinary violations; 4) methods of struggle against violations and their effectiveness at two stages of Russian industrialization – the pre-revolutionary and the Soviet ones. Priority attention is given to such disciplinary violations as truanancies, because they cause the greatest concern of the authorities and directors of enterprises. The study is based mainly on archival materials, preserved in the funds of the State Archive of the Russian Federation and the Central State Archive of Moscow.

Сложившаяся в дореволюционной российской промышленности система трудовых отношений претерпела достаточно серьезные изменения в годы «военного

коммунизма» и нэпа. При этом проблема борьбы за улучшение трудовой дисциплины, вызывавшая серьезную озабоченность предпринимателей и представителей фабрично-заводской администрации в конце XIX–начале XX в., после провозглашения «диктатуры пролетариата» не стала менее актуальной. В отчетах и докладах хозяйственных, партийных, профсоюзных органов конца 1920–1930-е гг. подчеркивалось, что сравнительно низкая производительность труда и невыполнение контрольных плановых показателей во многом являлись следствием низкого уровня трудовой дисциплины, большого количества нарушений Правил внутреннего распорядка (ПВР). Руководители предприятий в различных регионах и отраслях промышленности также были озабочены поиском средств, которые позволили бы снизить количество дисциплинарных нарушений на производстве.

Если успехи, достигнутые в годы советской индустриализации, исследователи характеризовали достаточно подробно, то проблемам и негативным явлениям, сопровождавшим процесс создания крупного промышленного производства, уделялось гораздо меньше внимания. В вышедших ранее публикациях, характеризующих различные аспекты трудовых отношений на советских предприятиях в конце 1920-х–1930-е гг. как в промышленности в целом, так и на уровне отдельных фабрик и заводов, при рассмотрении вопросов трудовой дисциплины приоритет отдавался характеристике законодательных инициатив в данной сфере. Так, в статье А. К. Соколова [22], посвященной стимулированию труда на советских предприятиях в послереволюционный период вплоть до середины 1930-х гг., основное внимание уделяется вопросам регулирования оплаты труда, подготовки квалифицированных кадров, организации социалистического соревнования. Затрагивая тему борьбы за улучшение трудовой дисциплины, автор акцентирует внимание на изменении правовой базы и неуклонном усилении мер взыскания по отношению к нарушителям.

Рассматривая партийно-правительственные постановления начала 1930-х гг., направленные на укрепление трудовой дисциплины, авторы расходятся в оценке их эффективности. Некоторые обращают внимание на излишнюю жесткость вводимых мер взыскания, их несоответствие тяжести совершавшихся рабочими нарушений [9]. Другие дают положительные оценки этим инициативам «сверху» и подчеркивают их действенность в борьбе с прогулами в условиях мобилизационной экономики [25]. Последние, однако, в своих выводах опираются, прежде всего, на задачи и лозунги, транслировавшиеся высшим партийным руководством, и не учитывают реальную ситуацию, в которой рабочие и административно-технический персонал предприятий вынуждены были выполнять постановления властей. Кроме того, авторы, как правило, обходят вниманием проблемы, возникавшие при решении производственных задач, которые являлись следствием реализации этих правительственных инициатив.

Следующий этап активного государственного вмешательства в сферу трудовых отношений, и в частности, в вопросы трудовой дисциплины, приходится на конец 1930-х гг. В статье А. А. Добровольского [2], основанной на публикациях журнала «Социалистическая законность» 1939–1940 гг., дается краткая характеристика методов борьбы за улучшение порядка на предприятиях, предусмотренных Постановлением СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле». Однако практическая сторона вопроса – реализация этого постановления на конкретных промышленных предприятиях – осталась за рамками рассмотрения. В книге С. П. Постникова и М. А. Фельдмана [12] принудительно-репрессивные меры правительства по отношению к нарушителям трудовой дисциплины и их применение на практике на рубеже 1930–1940-х гг. рассматриваются на примере предприятий Урала,

и в частности на материалах Челябинского тракторного завода. В монографиях, посвященных исследованию проблем мотивации и стимулирования труда на крупных московских заводах – «Серп и молот» [8] и Электроламповом [5] – авторы также акцентируют внимание на усилении мер принуждения в сфере регулирования трудовой дисциплины, прежде всего, применительно к периоду конца 1930-х гг. Однако последствия применения этих мер рассматриваются достаточно лаконично.

Как можно заметить, авторы вышедших ранее публикаций рассматривали отдельные аспекты проблемы регулирования трудовой дисциплины на советских промышленных предприятиях в годы первых пятилеток. В данной статье предпринята попытка дать более целостную картину в этом вопросе с учетом позиции различных сторон, участвовавших в трудовых отношениях (партийных и правительственных органов, профсоюзных организаций, администрации предприятий и самих рабочих) на примере текстильной отрасли. Несмотря на то, что в период индустриализации на первый план выходят отрасли тяжелой промышленности, в дореволюционной России и СССР большое количество рабочих было занято и в отраслях группы «Б». На рубеже 1920–1930-х гг. доля рабочих, трудившихся на текстильных предприятиях, составляла более 20 %.

Основными задачами данного исследования являются: 1) анализ последствий реализации правительственных постановлений в сфере регулирования трудовой дисциплины и отношения к ним на местах как со стороны рабочих, так и со стороны административно-технического персонала предприятий; 2) характеристика мероприятий, инициированных местными партийными, профсоюзными, хозяйственными органами, а также руководством предприятий, и направленных на поднятие уровня дисциплины; 3) выявление основных причин дисциплинарных нарушений, которые совершались рабочими; 4) сравнение методов борьбы с нарушениями порядка и их

эффективности на двух этапах индустриализации – дореволюционном и советском. При этом приоритетное внимание будет уделено таким дисциплинарным нарушениям, как прогулы, поскольку именно они вызывали наибольшую озабоченность и властей, и директоров предприятий.

Источниковой базой исследования стали как архивные, так и опубликованные источники. К первым относятся: 1) материалы центральных комитетов профсоюзов рабочих текстильной промышленности (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5457), в том числе информационные сводки и доклады о состоянии трудовой дисциплины на отдельных предприятиях и по отрасли в целом, результаты обследования фабрик на предмет выполнения правительственных постановлений и трудового законодательства; 2) документы фондов текстильных предприятий, хранящиеся в Центральном государственном архиве города Москвы. Среди опубликованных источников наибольший интерес представляют партийно-правительственные постановления, а также документальные публикации из серии «Документы советской истории» [10, 21], включающие в себя обращения простых граждан к высшим руководителям партии и государства по различным вопросам повседневной жизни и трудовых отношений. К этой же группе относится многотомное издание «?Совершенно секретно?»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.)» [18–20], в котором опубликованы информационные обзоры и сводки ОГПУ, включающие, в том числе сведения о регулировании трудовой дисциплины на промышленных предприятиях, а также о причинах многочисленных прогулов, допускаемых рабочими.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению основной темы, определимся с терминологией. В документах 1920–1930-х гг. термином «прогул» практически всегда обозначалось отсутствие рабочего на производстве независимо от того, по какой причине это произошло. Поэтому прогулы разделялись на несколь-

ко основных категорий: 1) «самовольные» (или «без уважительной причины»); 2) по болезни (когда рабочий предоставлял соответствующий медицинский документ); 3) с разрешения администрации предприятия (по сути, отпуск за свой счет). Безусловно, наибольшее недовольство властей вызывали «самовольные» прогулы. Однако в правительственных постановлениях ставилась задача сократить количество случаев невыхода рабочих на смену в целом, независимо от того, что стало причиной подобного поступка. Поэтому в данной статье основное внимание будет уделено проблеме борьбы с прогулами с учетом всех трех указанных выше категорий.

Материалы, характеризующие состояние трудовой дисциплины на отдельных предприятиях текстильной отрасли, свидетельствуют о том, что количество дисциплинарных нарушений во второй половине 1920-х гг. неуклонно росло, что никак не вписывалось в инициированные властью кампании по поднятию производительности труда, «уплотнению», борьбе за режим экономии. Так, на некоторых текстильных фабриках в 1928–1929 гг. показатели невыходов рабочих на смену достигали 8–10 % [11, л. 21, 27 об., 41, 41 об.], что влекло за собой простои оборудования и невыполнение контрольных цифр плана.

Правительственные инициативы по укреплению трудовой дисциплины и последствия их реализации

Серьезную озабоченность состоянием трудовой дисциплины, и растущим количеством прогулов в частности, высшее партийное и хозяйственное руководство высказывало на протяжении всех 1920-х годов. По мере свертывания нэпа государство превращалось в единственного («верховного») работодателя и начинало все активнее вмешиваться в трудовые отношения, стремясь к ограничению прав работников и расширению прав нанимателя.

В Постановлении СНК СССР «О мерах к укреплению трудовой дисциплины в государственных предприятиях», принятом 6 марта 1929 г., констатировалось, что

в последнее время заметно увеличилось количество прогулов, опозданий и других нарушений Правил внутреннего распорядка. Данное обстоятельство, с точки зрения правительства, серьезно препятствовало реализации масштабных задач по увеличению объемов производства, улучшению качества продукции и снижению ее себестоимости. В соответствии с этим Постановлением, администрация предприятий могла самостоятельно налагать взыскания на нарушителей, тогда как ранее это делалось через расценочно-конфликтные комиссии (РКК). При этом рабочие сохранили возможность обжаловать решения администрации в РКК. Кроме того, данное постановление СНК с целью снижения процента прогулов требовало организовать работу медицинских учреждений, судов, торговых точек таким образом, чтобы рабочие могли посещать их во внерабочее время.

Однако к заметному улучшению ситуации эта инициатива власти не привела. В начале 1930-х гг. количество прогулов в расчете на одного рабочего не только не сократилось, но даже увеличилось: в 1930 г. – 4,49 дня, в 1931 г. – 5,96 дня [24, с. 76]. Если обратиться к показателям по текстильной отрасли, то осенью 1932 г. в хлопчатобумажной промышленности «самовольные» прогулы составляли 3,0–3,5 % от общего количества рабочих дней [17, л. 1]. На отдельных текстильных фабриках они доходили до 10 % и более [4, л. 70; 17, л. 27; 23, л. 41].

В Центральном государственном архиве города Москвы сохранились распоряжения директора Первой московской ситценабивной фабрики за 1931 г. Практически в каждом из них присутствует пункт о наложении персональных взысканий на тех или иных работников предприятия за различные нарушения дисциплины труда. Большинство взысканий (выговоры, увольнения) наложено за прогулы, как правило, неоднократные [15]. На заседании директоров и технических руководителей ткацких фабрик при Управлении треста «Пестроткань» 10 декабря 1930 г. отмечалось: «Слабо проводи-

лась работа по укреплению трудовой дисциплины. Самовольные прогулы возросли свыше установленного процента по плану» [13, л. 1]. Уже сам факт существования плановых норм по «самовольным прогулам» наглядно показывает остроту и распространенность данной проблемы.

Характерно, что руководству предприятий приходилось вести борьбу не только за снижение прогулов, но и за их добросовестный учет. В распоряжении директора московской фабрики «Красные текстильщики» от 29 ноября 1930 г. указывалось: «За последнее время имели место случаи, когда Табельная контора не точно учитывала прогулы. В связи с этим предлагаю табельной конторе строже подходить к учету невыходов на работу, рассматривая: 1. невыход по болезни, если имеется больничный лист, 2. невыход по уважительной причине, если в табельную будет представлена справка от Завед[ующего] производств[енного] отдела о разрешении не выйти на работу. Все же остальные случаи рассматривать и учитывать как невыход на работу без уважительных причин, т. е. самовольный прогул» [16, л. 44 об. – 45].

Ситуация с прогулами в целом по промышленности была настолько серьезной, что потребовалось очередное вмешательство «сверху». 11 ноября 1932 г. Наркомтруд утвердил Положение «О табельном контроле явки на работу», которое должно было ликвидировать недостатки в сфере учета рабочего времени и в работе табельщиков. Через несколько дней, 15 ноября, вышло Постановление ЦИК и СНК СССР «Об увольнении за прогул без уважительных причин», внесшее изменения в действующее трудовое законодательство. В частности, отменялись те пункты Кодексов законов о труде союзных республик, которые предусматривали увольнение работника за прогул без уважительных причин трех дней в течение одного месяца. Новый порядок обязывал руководство предприятий увольнять за прогул одного дня и при этом забирать продовольственные карточки, а также выселять нарушителей из жилых по-

мещений, принадлежащих данному предприятию.

Профсоюзные и партийные органы с энтузиазмом включились в борьбу за трудовую дисциплину с применением более жесткой системы взысканий на основе нового постановления, выполняя контролирующие функции по отношению к руководству предприятий. Однако данное постановление неоднозначно было воспринято и рабочими, и представителями администрации предприятий, руководителями отдельных цехов. Например, рабочие Дедовской бумагопрядильной и ткацкой фабрики (Московская губерния) во время опросов о том, как они восприняли постановление от 15 ноября 1932 г., поддержали необходимость усиления борьбы с прогулами и ужесточения взысканий для прогульщиков. Некоторые согласились даже с тем, что нарушителей нужно увольнять и забирать у них продовольственные карточки. Однако большинство высказали мнение, что выселение из квартир – слишком жестокая мера [17, л. 3]. На Константиновской фабрике (Московская губерния) рабочие «недоброжелательно» встретили новую законодательную инициативу: «Постановление правительства жестоко; если ранее били топором, то сейчас бьют уже прямо обухом» [4, л. 33]. На фабрике «Пролетарка» (Тверь) звучали следующие высказывания рабочих: «Прогуливаем, потому что жрать нечего», «Надо лучше кормить рабочих», «Хорошо говорить коммунистам, они получают белую муку да масло» [4, л. 34].

Как показывают архивные материалы, характеризующие ситуацию на отдельных текстильных предприятиях, упомянутое выше Постановление ЦИК и СНК СССР привело к более или менее заметному снижению «самовольных» прогулов в первые несколько месяцев после его принятия [4, л. 31, 34, 70; 17, л. 12, 27, 31, 40, 46 об.]. Однако при этом выросло количество случаев отсутствия на производстве по уважительным причинам. В частности, на Трехгорной мануфактуре наблюдалось резкое повышение бытового травматизма, причем

речь идет о мелких травмах, позволяющих получить больничный лист на непродолжительный срок. Детальный анализ ситуации профсоюзными органами привел к выводу о том, что рабочие начали заниматься «членовредительством» для того, чтобы иметь возможность отсутствовать на работе по уважительной причине и избежать увольнения [17, л. 45–47]. Подобная ситуация наблюдалась на многих предприятиях в различных регионах страны. В Баку на текстильной фабрике им. Ленина после выхода постановления снизилось количество «самовольных прогулов», но выросло количество «невыходов по уважительным причинам». Это заставило сделать вывод о том, что на предприятии «присутствуют явные признаки сокрытия прогулов под видом уважительных причин» [17, л. 56].

Если посмотреть на состав прогульщиков, которые согласно Постановлению от 15 ноября 1932 г. подлежали увольнению, то можно заметить, что на разных предприятиях он не сильно отличался. Подавляющее большинство таких нарушителей составляли молодые люди с небольшим стажем работы. Так, на фабрике «Пролетарка» из 184 рабочих, попавших в списки прогульщиков с ноября 1932 г. по апрель 1933 г. и подлежащих увольнению, имели стаж работы на фабрике менее 6 месяцев – 81 человек (44,0 %), от 6 месяцев до 1 года – 39 (21,2), от 1 до 3-х лет – 48 (26,1), от 3 до 5 лет – 11 (6,0), более 5 лет – 5 человек (2,7 %). В профессиональном плане более 100 человек являлись подсобными рабочими и чернорабочими. Большинство прогульщиков со стажем менее 6 месяцев составляли ученики, «принятые для обучения на ткацкие станки – колхозники и единоличники, завербованные на пуск 3-й смены» [17, л. 41].

Поскольку число уволенных ежемесячно могло исчисляться десятками, руководители предприятий оказывались в непростой ситуации. Им приходилось регулярно набирать новых рабочих – также молодых и неквалифицированных – и начинать заново процесс обучения и адаптации к требованиям производства. Власть вынуждала

фабричную администрацию тратить время, усилия, средства на регулярную подготовку вновь набранных работников, что усложняло выполнение плановых показателей. Негативный эффект усиливался тем обстоятельством, что в число подлежащих увольнению попадали иногда и рабочие высокой квалификации, потеря которых негативно сказывалась на всем процессе производства. Поэтому часто администрация предприятий предпочитала ограничиться более мягким наказанием по отношению к рабочим, допустившим прогул без уважительных причин. Так, на фабрике им. Маркова (Москва) заведующий утильцехом Сахновский за прогул получил строгий выговор с предупреждением в соответствии с приказом директора фабрики Вавилова, однако уволен не был. Директор фабрики дал такое объяснение: «В данный момент нет человека, который мог бы заменить т. Сахновского <...> при первой возможности замены его уволю» [17, л. 27]. Администрация Кохомской ткацкой фабрики отмечала: «У нас мало рабочих, и за прогулы увольнять нельзя» [17, л. 5]. Табельщики в ходе различных совещаний, посвященных постановке учета прогулов, сообщали, что мастера нередко просили не ставить прогул или опоздание тем или иным рабочим, так как это был «нужный человек» [17, л. 41]. Случалось, что кого-то из нарушителей допускали до работы вообще без наложения взыскания [17, л. 18].

Иногда увольнение рабочего могло приводить к достаточно драматическим событиям и острой реакции со стороны уволенного, что также заставляло администрацию предприятий делать исключения. Приведу описание ситуации на 2-й ситценабивной фабрике (Московский округ) так, как это было зафиксировано в информационной сводке «О состоянии дел с прогулами по хлопчатобумажной промышленности и о борьбе с ними» от 15 января 1933 г. (сохранены орфография и пунктуация источника): «Комсомолка Минаева прогуляла один день, и ее уволили. Она отравилась, но не до смерти. Директор фабрики испугался и

оставил этот вопрос решать фабкому. Предфабкома в это время замещал секретаря парткома и дал установку принять ее на работу, учитывая то, что она заявила: «если ее уволят, она отравится до смерти». И второе, она уже стала заниматься проституцией» [17, л. 5].

Обеспечить выполнение Постановления от 15 ноября 1932 г. в части изъятия у уволенных карточек и выселениях их из жилых помещений, принадлежащих фабрике, было непросто. Например, далеко не всегда удавалось найти уволенного за прогулы рабочего, чтобы изъять у него продовольственные карточки. Некоторые даже предпочитали не брать расчет, чтобы эти карточки сохранить [4, л. 47].

На фабрике «Пролетарка» отбор карточек был налажен хорошо по сравнению с другими предприятиями. А вот организовать выселение уволенных из фабричных квартир оказалось сложнее, поскольку не существовало «налаженных четких взаимоотношений жилищных организаций с фабрикой» [17, л. 41], да и исключений в этом вопросе делалось немало на многих предприятиях, в том числе и на «Пролетарке». Так, из 33 человек, «предназначенных к выселению» с ноября 1932 г. до апреля 1933 г., лишились фабричного жилья только 13 [17, л. 40]. Остальные по разным причинам были оставлены в своих комнатах. Не выселили подростков, пенсионеров, женщину с грудным ребенком, оставили также и рабочих, устроившихся на другие фабрики. Проблемы с выселением нередко объяснялись тем, что увольняли одного из членов семьи, в то время как другой (или другие) оставался трудиться на фабрике. Поэтому лишать фабричного жилья всю семью не было оснований.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 г., если и привело к улучшению статистики по прогулам, то на непродолжительный срок. Пик активности этой кампании прошел довольно быстро, и показатели невыходов рабочих на смену вернулись к прежнему уровню. Ситуация в данном вопросе на протяжении всех 1930-

х годов оставалась неблагоприятной. И выход из нее правительство по-прежнему искало в ужесточении наказания нарушителей.

Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе с злоупотреблениями в этом деле» требовало от руководителей предприятий неукоснительно выполнять закон 1932 г. об увольнении рабочего и выселении его из жилых помещений предприятия за один день прогула по неуважительной причине. Кроме того, за опоздание или ранний уход с работы без уважительных причин нарушитель также подлежал жесткому взысканию: выговор, выговор с предупреждением об увольнении в случае повторения проступка, перевод на нижеоплачиваемую работу на срок до трех месяцев или перемещение на низшую должность (последнее также сопровождалось потерей в заработной плате). Если рабочий допускал три подобных нарушения в течение одного месяца либо четыре прогула в течение двух месяцев, то он подлежал увольнению как прогульщик.

Авторы данного постановления не ограничились ужесточением мер по отношению к рабочим. За непринятие требуемых мер против прогульщиков руководители предприятий, цехов, отделов должны были привлекаться «вышестоящими органами к ответственности вплоть до снятия с работы и предания суду». Последнее обстоятельство привело к тому, что увольнения вновь приняли массовый характер. Так, за первые семь месяцев 1939 г. на предприятиях, находившихся в ведении Главного Управления льнозаводов, было уволено за прогулы 7 919 человек, что составляло 20,6 % списочного состава рабочих [14, л. 99].

Наиболее усердно выполнявшие распоряжения властей руководители, доводили ситуацию до абсурда. Так, в феврале 1939 г. в ходе проверки работы фабкома Ржевской льночесальной фабрики по выполнению Постановления от 28 декабря 1938 г. выяс-

нилось, что работницам фабрики «запрещено под страхом выговора или увольнения во время работы ходить в уборную до окончания смены». Проверяющий «предложил» (!) главному инженеру предприятия «немедленно поставить у всех машин замену людей, чтобы машины не останавливать, и работница могла отлучиться на 3–5 минут» [14, л. 53]. Было ли выполнено это «предложение» остается неизвестным. Кроме того, ситуация в фабричной столовой также вызвала нарекания со стороны проверяющего: «В столовой и фабричном буфете не имеется тарелок, стаканов, ложек, ножей, вилок», в связи с чем некоторым приходится пить кипяток (чая на всех не хватает) из «больших глубоких тарелок». Часть работниц, приходивших на обед в столовую или в буфет, не могли найти тарелку и стакан, лишаясь, таким образом, возможности поесть. И они, «окрестив крепким матом руководителей», вынуждены были возвращаться в цех голодными [14, л. 53].

Как и в первой половине 1930-х гг. администрации предприятий приходилось делать нелегкий выбор: либо четко следовать распоряжениям правительства и увеличивать и без того высокие показатели текучести рабочей силы, увольняя за прогул одного дня, либо сохранять необходимые производству кадры, рискуя при этом оказаться под судом. Так, летом 1940 г. директор рукавно-ткацкого комбината (Кострома) Ибрагимов «за невыполнение приказа по борьбе с прогульщиками» была «осуждена народным судом на 3 года тюремного заключения». Наряду с директором к суду был привлечен и «начальник ткацкой фабрики» этого предприятия Ярыкин, которому предъявили обвинение в том, что он не уволил рабочего, опоздавшего на 30 минут, а также «человекам десяти дал отпуска за свой счет» [2, л. 3].

В январе 1939 г. вышло очередное Постановление СНК, которое приравнивало опоздание на 20 минут к прогулу. Вершиной правотворческой деятельности властей в борьбе за трудовую дисциплину в годы первых пятилеток стал Указ Президиума

Верховного Совета СССР «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» от 26 июня 1940 г., который запрещал «самовольный уход рабочих и служащих из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия на другое или из одного учреждения в другое». Смена места работы была возможна только с разрешения директора предприятия. Однако последний обязан был разрешить увольнение работника по медицинским показаниям в том случае, если предприятие не могло предоставить ему более легкую работу, в связи с выходом на пенсию или в связи с поступлением в вуз или среднее специальное учебное заведение. Этот указ, фактически, прикрепил рабочих к фабрикам, лишая их возможности искать более выгодные условия труда и быта на других предприятиях.

Действия администрации предприятий и местных организаций по борьбе с прогулами

В дореволюционной России одним из основных инструментов поддержания должного уровня дисциплины на промышленных предприятиях являлись Правила внутреннего распорядка. И в годы первых советских пятилеток утверждение ПВР на каждом предприятии было обязательным в соответствии с КЗоТом. По сути, они должны были регулировать отношения между администрацией фабрики и рабочими. Если в дореволюционной России при разработке ПВР каждое предприятие обладало определенной самостоятельностью в рамках существовавшего трудового законодательства, то во второй половине 1920-х–1930-е гг. «Примерные Правила внутреннего распорядка» и прилагающийся к ним «Табель взысканий» разрабатывались Народным комиссариатом труда и отраслевыми наркоматами.

Примерные ПВР и Табель взысканий, утвержденные в 1927 г., предполагали всего две меры взыскания за различные на-

рушения трудовой дисциплины. За прогул без уважительных причин одного или двух дней в месяц выносился выговор, в случае превышения этой «нормы» следовало увольнение. В дальнейшем столь жесткое соответствие проступков и наказаний за них постепенно утрачивается, а перечень мер взыскания, находившихся в распоряжении администрации, дополняется. Так, Табель взысканий, утвержденный вместе с ПВР в 1930 г., предполагал следующие способы наказания нарушителей: а) выговор; б) привлечение к ответственности перед производственным товарищеским судом (по согласованию с профсоюзной организацией); в) при систематических нарушениях дисциплины – увольнение без предупреждения и выплаты выходного пособия. При этом на практике за одинаковые нарушения администрация налагала разные меры взыскания за одно и то же нарушение, что не способствовало укреплению дисциплины, а приводило к конфликтам между административно-техническим персоналом и рабочими.

В начале первой пятилетки власть стремилась подключить к решению проблем трудовой дисциплины и наказанию нарушителей самих рабочих. В соответствии с Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 30 декабря 1929 г. на промышленных предприятиях начали создаваться товарищеские суды, в ведение которых, помимо прочего, с согласия администрации могли передаваться и дела о дисциплинарных нарушениях (прогулы, опоздания, приход на работу в пьяном виде и т. п.). В качестве «мер товарищеского воздействия» для нарушителей эти суды могли применять: 1) «товарищеское предупреждение»; 2) «общественное порицание», в том числе с опубликованием в заводской многотиражке или в «общей печати»; 3) штраф на сумму не более 10 руб.; 4) возмещение причиненного материального ущерба в размере не более 25 руб. Менее чем через полтора года Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 20 февраля 1931 г. суды были переименованы в «производственно-товарищеские», а

список доступных им мер взыскания был расширен. Отныне они могли предлагать администрации предприятий увольнять нарушителя, а профсоюзной организации – временно исключать провинившегося работника из профсоюза. Решения товарищеских судов являлись окончательными и обжалованию не подлежали.

Однако производственно-товарищеские суды так и не стали эффективным инструментом в борьбе за улучшение трудовой дисциплины. Во-первых, далеко не на всех фабриках они были созданы и стали реально действующими органами. Во-вторых, нередко производственно-товарищеские суды превышали свои полномочия и разбирали дела, не входившие в их компетенцию. Кроме того, при назначении взысканий они выходили за рамки мер, перечисленных в правительственных постановлениях. Так, проверка, проведенная, в начале 1930-х гг. на фабрике Большой Ивановской мануфактуры, показала, что на некоторых рабочих за один прогул наложили штрафы в размере от 15 до 50 руб. [17, л. 15]. На Ивановской ткацко-отделочной фабрике имени рабочего Федора Зиновьева товарищеский суд постановил снизить одной из работниц категорию продовольственного пайка сроком на три месяца, а другому рабочему за один проступок назначили сразу два наказания: строгий выговор и исключение из профсоюза на шесть месяцев [6, л. 113]. В документах профсоюзных организаций часто подчеркивается, что посещаемость заседаний товарищеских судов низкая, и авторитетом среди рабочих они не пользуются.

Стоит отметить, что на местах борьба за трудовую дисциплину иногда приобретала весьма причудливые формы. Так, в 1931 г. на Глуховской фабрике (Московская губерния) прогульщикам вручили специально сделанные и «художественно оформленные» «ордена из бутылок, креста, карт и финки». На фабрике им. Тельмана во дворе поставили черный киоск – кассу для прогульщиков и других нарушителей дисциплины, в которой зарплату им выдавали на 2 – 3 дня позднее, чем остальным рабочим.

Для борьбы с нарушителями привлекли и пионеров, которые ходили по цехам с плакатами и лозунгами, останавливались около станков прогульщиков и «призывали их к выполнению промфинплана». Пионеры боролись за трудовую дисциплину своих родителей «путем соцсоревнования с ними». Например, один из пионеров заключил «соцдоговор» со своей матерью: он пообещал хорошо учиться и посещать школу, а мать – «поднять производительность труда, изжить простои и прогулы» [6, л. 5]. Иногда прогульщиков переводили на специально отведенные для них станки с надписью «станок прогульщика» [4, л. 35].

Местные партийно-хозяйственные и профсоюзные органы проводили «разъяснительную» работу в трудовых коллективах, пытаясь добиться улучшения статистики в вопросах дисциплины. Для усиления эффекта они привлекали фабричную печать, вывешивали в цехах приказы об увольнении и наложении других мер взыскания. Эти мероприятия, как правило, носили волнообразный характер, то активизируясь, то затухая, и если и оказывали сколь-нибудь позитивное влияние на состояние трудовой дисциплины, то лишь в краткосрочной перспективе.

Причины прогулов рабочих: «несознательность» или вынужденная необходимость?

Можно заметить, что участники трудовых отношений по-разному смотрели на такой вопрос, как причины прогулов, соответственно и методы решения проблемы они видели разные.

Взгляд государства на причины прогулов менялся на протяжении рассматриваемого периода. Обратимся вновь к упомянутому выше Постановлению СНК СССР от 6 марта 1929 г. В качестве причин ослабления трудовой дисциплины оно называет, во-первых, приток на предприятия новых рабочих, «в большинстве связанных с деревней, не прошедших школы производственной фабрично-заводской дисциплины»; во-вторых, недостаточное внимание к этому вопросу рабочих организаций и

административно-технического персонала предприятий; в-третьих, недостаточно жесткую позицию конфликтных и судебных органов; и, наконец, расписание работы различных объектов сферы услуг, рабочее время которых совпадало с трудовым днем рабочих. Можно заметить, что далеко не вся вина за проблемы в сфере трудовой дисциплины возлагается на рабочих. На протяжении 1930-х гг. становится все более очевидным, что государство в поисках виновных всю основную ответственность перекладывает на «несознательных», «отсталых» и недобросовестных работников, а также на администрацию предприятий, которая далеко не всегда проводила жесткую политику по отношению к нарушителям, как это предписывали правительственные постановления.

Но настолько ли однозначной была ситуация? Действительно ли все, кто подвергся тем или иным взысканиям за совершенные прогулы, являлся злостным нарушителем, допуская подобное поведение в силу своей «несознательности»?

Сами рабочие чаще всего объясняли свои прогулы тяжелыми условиями труда, проблемами в сфере обеспечения жильем и товарами первой необходимости, а также низким уровнем заработной платы. Проблема предоставления рабочим нормальных условий проживания, действительно, остро стояла перед директорами многих предприятий. Однако решить ее они не могли, как правило, не по собственной вине, а по причине нехватки финансирования. Ведь для обновления старого и строительства нового жилого фонда необходимы были немалые средства, которыми предприятия попросту не располагали, а финансирование, выделявшееся «сверху» для решения этих задач, нередко было недостаточным, да и доходило до адресатов с большими задержками по срокам.

Обследование Трехгорной мануфактуры в начале 1933 г. органами здравоохранения и социального страхования с целью проверки «состояния борьбы с прогулами» и «выявления причин, вызывающих повышение

заболеваемости» показало, что часть рабочих живет в общежитии, находящемся в полуподвале прядильной фабрики. На небольшой площади очень «скученно» проживало около 50 человек, причем в одном помещении находились и мужчины, и женщины, и дети. Проверяющие отмечали, что первые требования ликвидировать подобную ситуацию были высказаны администрации фабрики еще за полгода до этой проверки, однако для улучшения жилищных условий этих рабочих ничего сделано не было [17, л. 47 об.]. Подобная ситуация не являлась чем-то исключительным и отмечалась на многих предприятиях как в столичных регионах, так и на периферии.

К концу 1930-х гг. если жилищные условия рабочих и улучшились, то незначительно. Негативное влияние бытовых неудобств на процесс производства отмечали не только рабочие, но и администрация предприятий. Так, осенью 1938 г. в докладной записке директора льнопрядильной фабрики им. Войкова (г. Муром, Горьковская область), на которой трудилось около 1 300 человек, указывалось, что жилой фонд предприятия очень мал, в результате чего на одного проживающего в фабричных жилых корпусах приходится 1,8 м². Но большинство списочного состава проживают вообще в «частных домах» в колхозах, и эти рабочие вынуждены тратить много времени и сил на дорогу до предприятия, преодолевая ежедневно по 7–9 км в один конец. Сложно представить, что все они, даже будучи ответственными и дисциплинированными, могли бы постоянно приходить без опозданий и не пропускать рабочие дни. Помимо этого, подобная ситуация приводила к тому, что уровень квалификации рабочих был очень низок, а летом значительная часть списочного состава, занятая в колхозе, просто не выходила на работу [1, л. 38].

Условия труда также оставляли желать лучшего. Типовые ПВР, утвержденные Наркоматом легкой промышленности СССР 15 марта 1939 г., начинались с цитаты И. В. Сталина в качестве эпиграфа: «Труд в СССР является делом чести, доблести

и геройства». Сохранившиеся описания условий, в которых людям приходилось трудиться, действительно свидетельствуют о «геройстве» рабочих. Например, в феврале 1939 г., инструктор ЦК профсоюза рабочих льняной промышленности, осуществлявший проверку на фабрике им. Карла Маркса, отмечал, что санитарное состояние фабрики «неудовлетворительное»: «в цехах грязно и пыльно», «умывальники переполнены грязной водой и завалены посторонними предметами, полотенца и мыла не имеется». В фабричных корпусах было много разбитых окон и незакрывающихся дверей, что приводило к сквознякам и большому числу заболевших [14, л. 48]. В подобных условиях приходилось трудиться многочисленной «армии советских рабочих».

Еще более острой была проблема обеспечения рабочих предметами первой необходимости. На протяжении довоенных пятилеток, как в годы существования карточной системы (1928–1935 гг.), так и после ее отмены, рабочим приходилось выстаивать громадные очереди, чтобы обеспечить себя и семью продуктами и промышленными товарами повседневного спроса. Сводки ОГПУ содержат информацию о перебоях в снабжении продуктами, одеждой, обувью и другими товарами первой необходимости практически во всех регионах страны. Причем необходимость стоять в очередях ночами, а иногда и по несколько раз в сутки (если черный и белый хлеб привозили в разное время), прямо связывается с ростом прогулов и опозданий на работу [18, с. 260, 460–462; 19, с. 425–426; 20, с. 259].

Сообщения о крайне тяжелом положении с продовольствием, адресованные руководителям партии и государства, приходили и от простых людей как из центральных районов страны, так и с далеких окраин. В 1937 г. рабочий спичечной фабрики «Волна революции» (г. Новозыбков) в письме на имя М. И. Калинина сообщал, что с начала года «исчезли из магазинов продукты». Чтобы купить хлеб, очередь приходилось занимать с вечера, иначе купить его утром

было невозможно. Магазины открывались в 7 часов утра, но уже через два часа хлеба в них не оставалось [10, с. 342–343]. В конце 1939 г. в письме из Киева на имя В. М. Молотова сообщалось, что с вечера у магазинов собираются многотысячные очереди «за мануфактурой и готовой одеждой». Причем «милиция выстраивает очереди где-нибудь за квартал в переулке и потом «счастливых» по 5–10 человек гуськом, один за другого в обхват (чтобы кто не проскочил без очереди), в окружении милиционеров, как арестантов, ведут к магазину» [21, с. 159]. Избежать прогулов в таких условиях было практически невыполнимой задачей. Но это еще не самое страшное. В давке этих очередей людей, случалось, калечили, были и смертельные случаи.

Как видно из примеров, власть требовала сокращения не только «самовольных» прогулов, но и пропуска рабочих смен по уважительным причинам. Добиться этого на практике было непросто. Женщины, например, доля которых на текстильных фабриках традиционно была высокой, нередко вынуждены были договариваться с мастером и пропускать смену из-за болезни детей [17, л. 31] или в силу необходимости выполнить какую-то домашнюю работу. Так, на рубеже 1920–1930-х гг. рабочий поселок фабрики «Пролетарка» (Тверь) не имел ни бани, ни прачечной. Эти заведения находились на расстоянии 4 верст. Случалось, «чтобы выстирать белье семье», работнице приходилось отпрашиваться с фабрики, либо стирать в речке, загрязненной фабричными отходами [10, с. 37].

Следовательно, далеко не всегда в прогулах и опозданиях виноваты были сами рабочие. Тяжелые жизненные реалии вынуждали многих из них пополнять ряды нарушителей. Однако политика, проводившаяся правительством, не делала различий между теми, кто вынужденно пропускал смены, и теми, кто допускал различные дисциплинарные нарушения по «неуважительным» причинам. К последним, в первую очередь, нужно отнести пьянство рабочих. В архивных документах зафиксиро-

вано большое количество случаев, когда у рабочих на проходной отбирали водку, которую они пытались пронести на фабрику, когда рабочие приходили на смену в нетрезвом виде или не могли выйти на работу после вечерней «попойки». Особо отмечалось, что пьянство усиливалось в дни получек и в дни религиозных праздников. Так, в документах описывается ситуация на Трехгорной мануфактуре (1929 г.): «...в дни получек у ворот можно увидеть толпу женщин, пришедших отбирать заработок у своих пьянствующих мужей, отцов, сыновей. Близость винно-гастрономического магазина «Коммунар» способствует тому, что рабочие напиваются допьяна не только после работы, но и в обед» [11, л. 8]. Администрация Игнатовской суконной фабрики, расположенной недалеко от Ульяновска, отмечала следующую закономерность: чем больше выручка в пивной, тем больше прогулов на предприятии [11, л. 8]. О том, что «пьют не только мужчины-рабочие, но и технический персонал, и женщины, и молодежь» сообщают документы многих предприятий [11, л. 3].

Проблема пьянства среди рабочих не являлась новой, только что появившейся. Она вызывала серьезную озабоченность управляющих предприятиями и в дореволюционной России, и «красных директоров» в годы нэпа. Характерно, что один из способов смягчения ситуации с пьянством в конце XIX – начале XX в. администрация предприятий видела в удалении на большее расстояние от фабричных городков винных лавок, пивных и других подобных заведений. Такие просьбы неоднократно поступали в адрес местных властей [7, л. 177–182]. На подобных мерах настаивали и профсоюзные органы в советский период. Ужесточение наказаний за пьянство не приводило к существенному улучшению ситуации ни до революции, ни на этапе «социалистического строительства».

Таким образом, на протяжении 1930-х гг. можно наблюдать неуклонное ужесточение системы взысканий за различные нарушения ПВР, и прежде всего за прогулы. Однако

процент прогулов, опозданий и других нарушений оставался достаточно высоким и в конце 1930-х гг., что говорит о сравнительно невысокой эффективности использованных мер. Судя по высказываниям самих рабочих, поднятию производственной дисциплины могли способствовать меры, направленные на устранение проблем в сфере тарификации и нормирования труда, обеспечения жильем, а также улучшение снабжения рабочих

товарами повседневного спроса, в первую очередь продовольствием. Это могло бы сформировать внутреннюю мотивацию к дисциплинированному и добросовестному труду. Но на это требовались время и немалые средства. И в условиях форсированной индустриализации власть пошла по пути «закручивания гаек», что, однако, давало незначительный и непродолжительный эффект.

Библиографический список

1. Акты обследования, предписания, заключения, докладные записки технических инспекторов по охране труда и технике безопасности и акты наложения административных взысканий на виновных в нарушении существующих правил // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5457. – Оп. 26. – Д. 470.
2. *Добровольский А. А.* Правотворческая политика государства в области укрепления дисциплины труда в СССР в конце 1930-х гг. // *Власть*. – 2014. – № 3. – С. 146–148.
3. Докладная записка члена Президиума ЦК союза о выполнении производственного плана по фабрикам Ивановской области и Главльнопрому за I полугодие 1940 г. Сведения предприятий льняной промышленности о выполнении норм выработки, о нарушении трудовой дисциплины // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5457. – Оп. 26. – Д. 731.
4. Докладные записки и информации Центрального Комитета профсоюза и сведения предприятий по вопросу реализации декрета по борьбе с самовольными прогулами и организованном наборе рабочих // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5457. – Оп. 23. – Д. 214.
5. *Журавлев С. В.* «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. / С. В. Журавлев, М. Ю. Мухин. – М. : РОССПЭН, 2004.
6. Информационные сводки, протоколы, заключения комиссии, выводы и предложения по обследованию трудовой дисциплины, производственно-хозяйственному состоянию предприятий текстильной промышленности и их импортного оборудования, о работе производств, товарищеских судов // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5457. – Оп. 15. – Д. 25.
7. Копии документов о рабочих волнениях (протоколы, донесения, переписка). 1878–1899 гг. // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 7952. – Оп. 8. – Д. 56.
8. *Маркевич А. М.* «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2000 гг. / А. М. Маркевич, А. К. Соколов. – М. : РОССПЭН, 2005.
9. *Пашин В. П.* Проблемы трудовой дисциплины в СССР в 1920–1930-е годы / В. П. Пашин, Б. К. Шубин, С. В. Богданов // Совершенствование законодательства: вчера, сегодня, завтра. – Курск, 2004. – С. 24–26.
10. Письма во власть. 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. – М. : РОССПЭН, 2002.
11. Постановление, тезисы к докладу, информационные сводки о состоянии трудовой дисциплины, ее падении, бесхозяйственности и взаимоотношениях хозорганов с профсоюзными организациями по текстильной промышленности в целом и на предприятиях в частности. 1929 г. // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5457. – Оп. 13. – Д. 133.
12. *Постников С. П.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. – М. : РОССПЭН, 2009.
13. Протоколы технических совещаний при директоре фабрики. 1930 г. // Центральный государственный архив города Москвы. – Ф. 398. – Оп. 1. – Д. 43.
14. Протоколы фабкомов, докладные записки инструкторов ЦК союза, статистические сведения, списки рабочих и переписка о нарушениях трудовой дисциплины на предприятиях льняной промышленности // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5457. – Оп. 26. – Д. 597.
15. Распоряжения директора фабрики. 1931 г. // Центральный государственный архив города Москвы. – Ф. 426. – Оп. 1. – Д. 158.

16. Распоряжения директора фабрики по основной деятельности за 1930 год // Центральный государственный архив города Москвы. – Ф. 398. – Оп. 1. – Д. 42.
17. Сведения Центрального, республиканских, краевых и областных комитетов профсоюза по борьбе с самовольными прогулами и нарушениями трудовой дисциплины // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5457. – Оп. 23. – Д. 371.
18. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – М., 2002. – Т. 6.
19. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – М., 2004. – Т. 7.
20. «Совершенно секретно»: Лубянка–Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). – М., 2008. – Т. 8, ч. 1.
21. Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945. – М. : РОССПЭН, 2003.
22. Соколов А. К. Советская политика в области мотивации и стимулирования труда (1917 – середина 1930-х гг.) / А. К. Соколов // Экономическая история. Обозрение. – М., 2000. – Вып. 4. – С. 39–80.
23. Тезисы доклада, акт обследования, цифровые данные о производительности труда, трудовой дисциплине, выработке, оборудовании и состоянии зарплаты на предприятиях текстильной промышленности // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5457. – Оп. 12. – Д. 139.
24. Турецкий Ш. Я. Себестоимость и вопросы ценообразования / Ш. Я. Турецкий. – М. ; Л., 1940.
25. Чупрынников С. А. Партийно-правительственные постановления по вопросам укрепления трудовой дисциплины в СССР в 1930-е гг. / С. А. Чупрынников // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2011. – № 5. – С. 55–58.

References

1. Akty obsledovanija, predpisanija, zakljuchenija, dokladnye zapiski tehniceskikh inspektorov po ohrane truda i tehnikе bezopasnosti i akty nalozhenija administrativnyh vзысканий na vinovnyh v narushenii sushhestvujushhих pravil // Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F. R.-5457. – Op. 26. – D. 470.
2. *Dobrovol'skij A. A.* Pravotvorcheskaja politika gosudarstva v oblasti ukreplenija discipliny truda v SSSR v konce 1930-h gg. // *Vlast'*. – 2014. – № 3. – S. 146–148.
3. Dokladnaja zapiska chlena Prezidiuma CK sojuza o vypolnenii proizvodstvennogo plana po fabrikam Ivanovskoj oblasti i Glavl'nopromu za I polugodie 1940 g. Svedenija predpriyatij l'njanой promyshlennosti o vypolnenii norm vyrabotki, o narushenii trudovoj discipliny // Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F. R-5457. – Op. 26. – D. 731.
4. Dokladnye zapiski i informacii Central'nogo Komiteta profsojuza i svedenija predpriyatij po voprosu realizacii dekreta po bor'be s samovol'nymi progulami i organizovannom nabore rabochih // Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F. R-5457. – Op. 23. – D. 214.
5. *Zhuravlev S. V.* «Krepost' socializma»: Povsednevnost' i motivacija truda na sovetskom predpriyatii, 1928–1938 gg. / S. V. Zhuravlev, M. Ju. Muhin. – M. : ROSSPJeN, 2004.
6. Informacionnye svodki, protokoly, zakljuchenija komissii, vyvody i predlozhenija po obsledovaniju trudovoj discipliny, proizvodstvenno-hozjajstvennom sostojanii predpriyatij tekstil'noj promyshlennosti i ih importnogo oborudovanija, o rabote proizvodstv, tovarishheskikh sudov // Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F. R-5457. – Op. 15. – D. 25.
7. Kopii dokumentov o rabochih volnenijah (protokoly, donesenija, perepiska). 1878–1899 gg. // Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F. 7952. – Op. 8. – D. 56.
8. *Markevich A. M.* «Magnitka bliz Sadovogo kol'ca» : Stimuly k rabote na Moskovskom zavode «Serp i molot», 1883–2000 gg. / A. M. Markevich, A. K. Sokolov. – M. : ROSSPJeN, 2005.
9. *Pashin V. P.* Problemy trudovoj discipliny v SSSR v 1920–1930-e gody / V. P. Pashin, B. K. Shubin, S. V. Bogdanov // Sovershenstvovanie zakonodatel'stva: vchera, segodnja, zavtra. – Kursk, 2004. – S. 24–26.
10. Pis'ma vo vlast'. 1928–1939: Zajavlenija, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennye struktury i sovetskim vozhdjam. – M. : ROSSPJeN, 2002.
11. Postanovlenie, tezisy k dokladu, informacionnye svodki o sostojanii trudovoj discipliny, ee padenii, beshozhajstvennosti i vzaimootnoshenijah hozorganov s profsojuznymi organizacijami po tekstil'noj promyshlennosti v celom i na predpriyatijah v chastnosti. 1929 g. // Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F. R-5457. – Op. 13. – D. 133.

12. *Postnikov S. P.* Sociokul'turnyj oblik promyshlennyh rabochih Rossii v 1900–1941 gg. / S. P. Postnikov, M. A. Fel'dman. – M. : ROSSPJeN, 2009.
13. Protokoly tehniceskikh soveshhanij pri direktore fabriki. 1930 g. // Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy. – F. 398. – Op. 1. – D. 43.
14. Protokoly fabkomov, dokladnye zapiski instruktorov CK sojuza, statisticheskie svedeniya, spiski rabochih i perepiska o narushenijah trudovoj discipliny na predpriyatijah I'njanoy promyshlennosti // Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F. R.-5457. – Op. 26. – D. 597.
15. Rasporjazhenija direktora fabriki. 1931 g. // Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy. – F. 426. – Op. 1. – D. 158.
16. Rasporjazhenija direktora fabriki po osnovnoj dejatel'nosti za 1930 god // Central'nyj gosudarstvennyj arhiv goroda Moskvy. – F. 398. – Op. 1. – D. 42.
17. Svedeniya Central'nogo, respublikanskih, kraevyh i oblastnyh komitetov profsojuza po bor'be s samovol'nymi progulamami i narushenijami trudovoj discipliny // Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F. R.-5457. – Op. 23. – D. 371.
18. «Sovershenno sekretno»: Lubjanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.). – M., 2002. – T. 6.
19. «Sovershenno sekretno»: Lubjanka – Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.). – M., 2004. – T. 7.
20. «Sovershenno sekretno»: Lubjanka–Stalinu o polozhenii v strane (1922–1934 gg.). – M., 2008. – T. 8, ch. 1
21. Sovetskaja povsednevnost' i massovoe soznanie. 1939–1945. – M. : ROSSPJeN, 2003.
22. *Sokolov A. K.* Sovetskaja politika v oblasti motivacii i stimulirovanija truda (1917 – seredina 1930-h gg.) / A. K. Sokolov // Jekonomicheskaja istorija. – Obozrenie. – Vyp. 4. – M., 2000. – S. 39–80.
23. Tezisy doklada, akt obsledovanija, cifrovye dannye o proizvoditel'nosti truda, truddiscipline, vyrabotke, oborudovanii i sostojanii zarplaty na predpriyatijah tekstil'noj promyshlennosti // Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F. R.-5457. – Op. 12. – D. 139.
24. *Tureckij Sh. Ja.* Sebestoimost' i voprosy cenoobrazovanija / Sh. Ja. Tureckij. – M.-L., 1940. – S. 76.
25. *Chuprynnikov S. A.* Partijno-pravitel'stvennye postanovlenija po voprosam ukreplenija trudovoj discipliny v SSSR v 1930-e gg. / S. A. Chuprynnikov // Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl'. – 2011. – № 5. – S. 55–58.

Поступила 20 мая 2016 г.

Сведения об авторе:

Шильникова Ирина Вениаминовна – кандидат исторических наук, доцент Департамента теоретической экономики Факультета экономических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Сфера научных интересов: социально-экономическая история России и СССР, трудовые отношения, стимулирование труда, трудовые конфликты, история предпринимательства, история менеджмента. Автор более 50 научных и учебно-методических работ.

Тел.: 8(929)903 88 01

E-mail: shilnikova.i@gmail.com

Shilnikova Irina Veniaminovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Faculty of Economic Sciences (Department of Theoretical Economics) of National Research University Higher School of Economics. Research interests: social and economic history of Russia and the USSR, labour relations, labour stimulation, labour conflicts, history of entrepreneurship, history of management. The author has more than 50 academic publications.